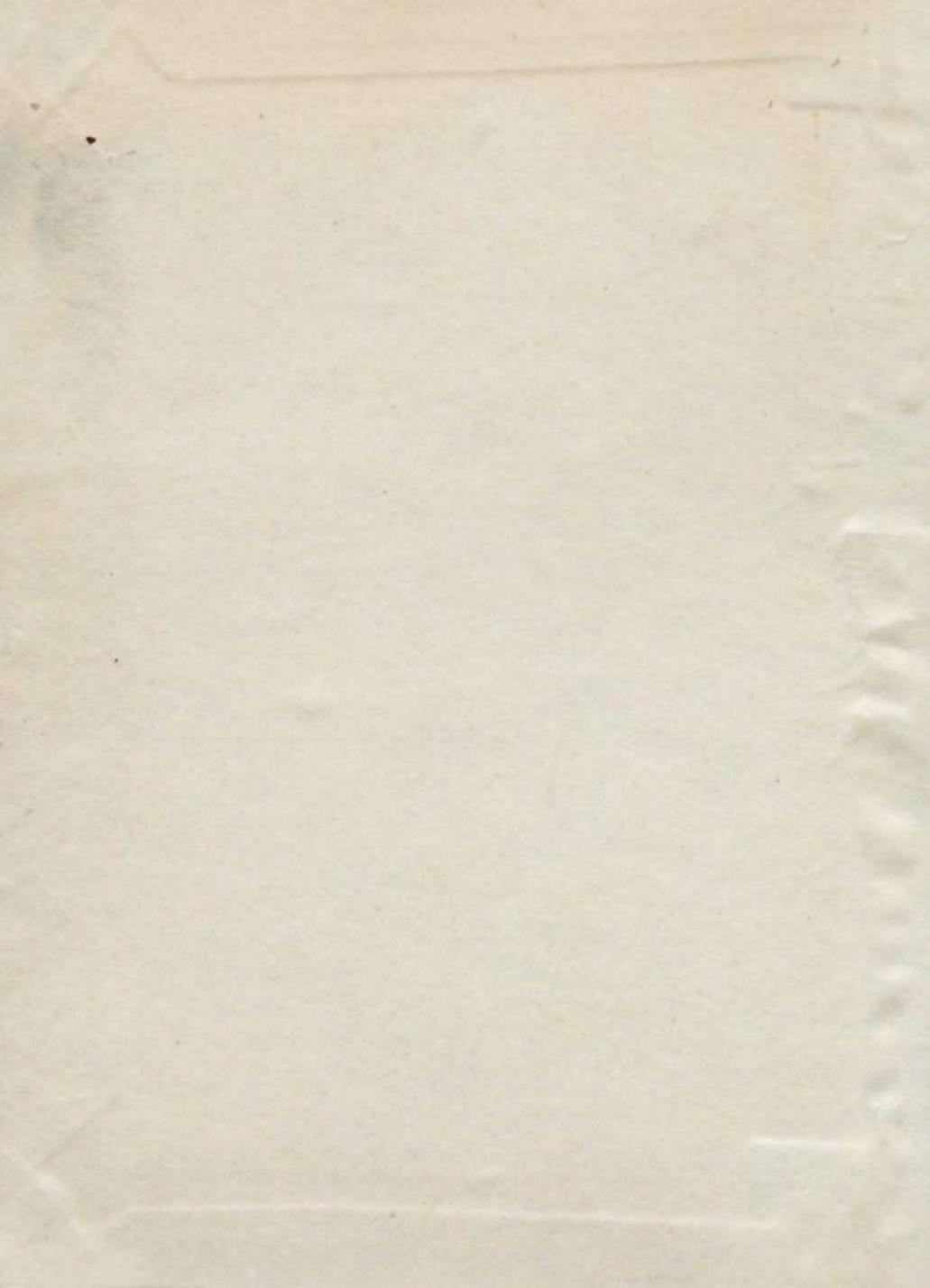

A

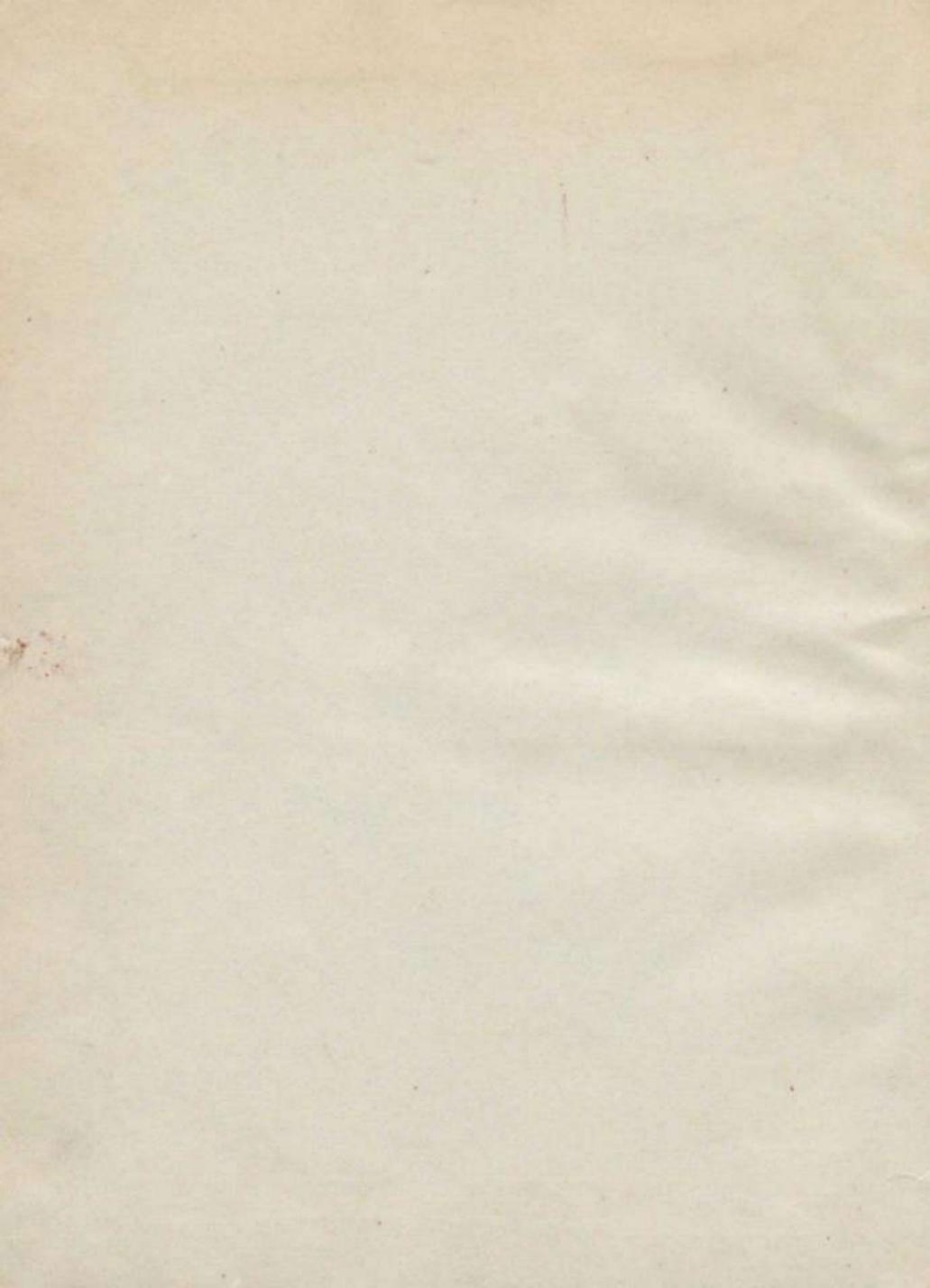
158

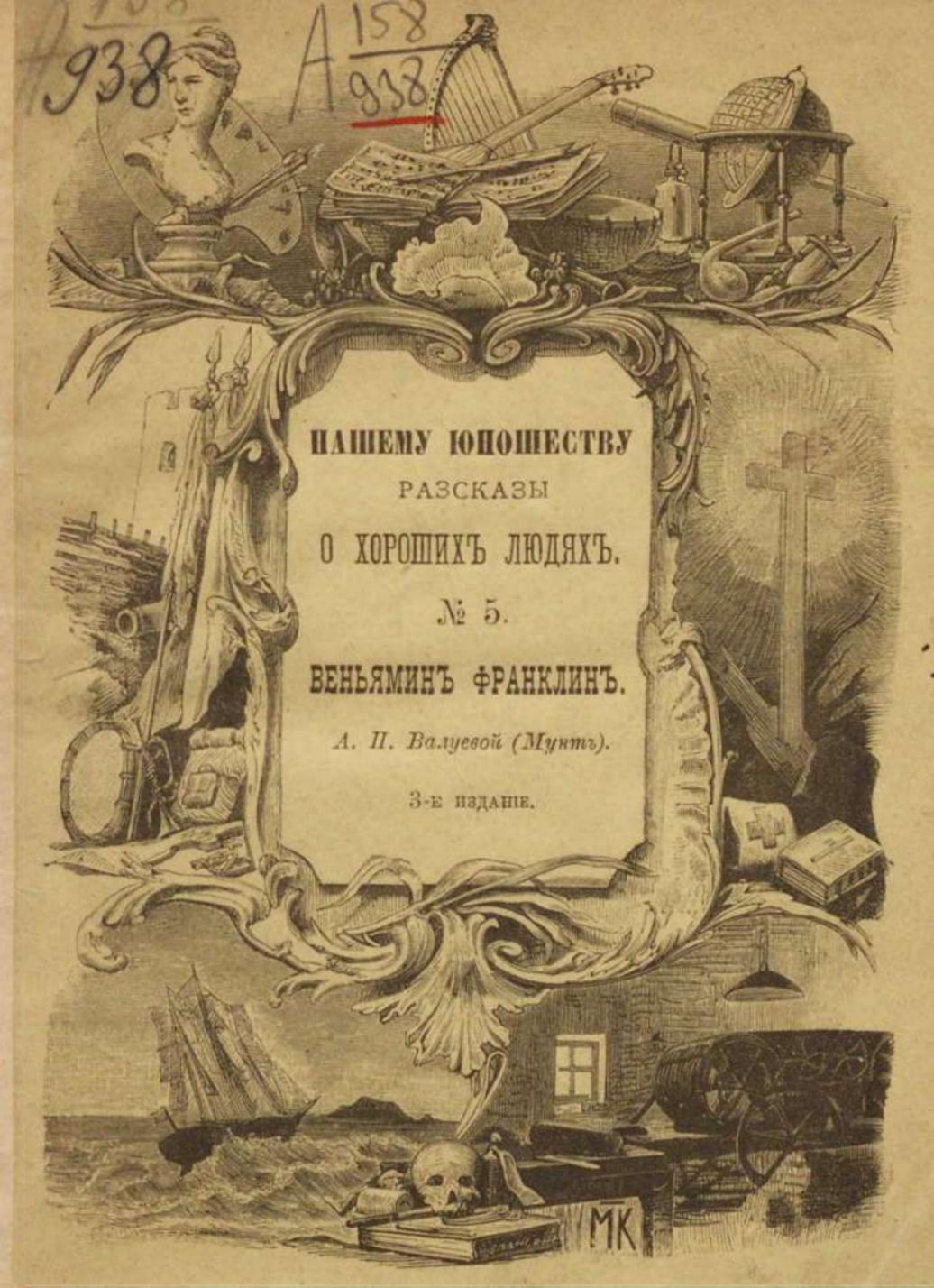
938

938 A 158
938

НАШЕМУ ЮПОШЕСТВУ

РАЗСКАЗЫ

О ХОРОШИХЪ ЛЮДЯХЪ.

№ 5.

ВЕНЬАМИНЪ ФРАНКЛИНЪ.

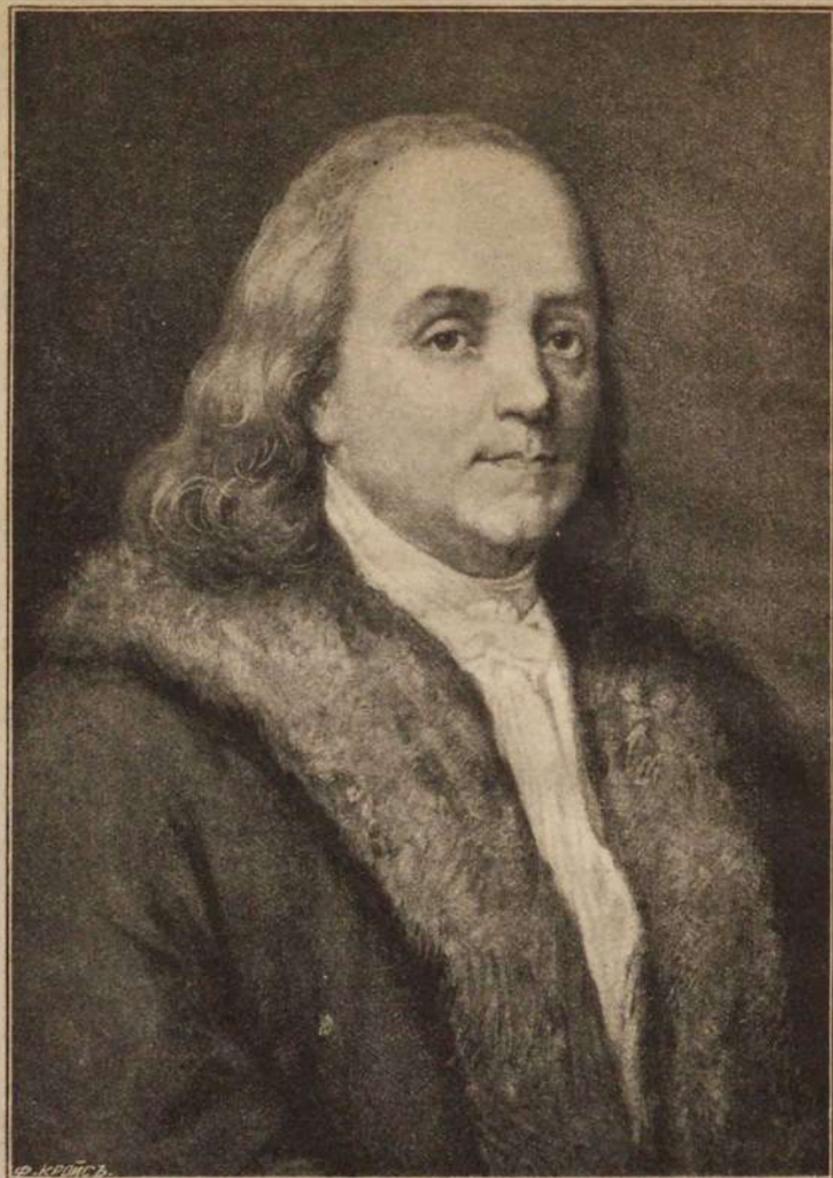
А. П. Валцовой (Мунтг).

3-е издание.

МК

Венъяминъ Франклинтъ.
(1706—90).

НАШЕМУ ЮНОШЕСТВУ
РАЗСКАЗЫ
О ХОРОШИХЪ ЛЮДЯХЪ.

№ 5.

ВЕНЬЯМИНЪ ФРАНКЛИНЪ.

РАЗКАЗЪ

А. П. ВАЛУЕВОЙ (МУНТЬ).

3-Е ИЗДАНИЕ

Напечатано безъ перемѣнъ со 2-го изданія, — одобрен. для ученич. библиотекъ младш. возраста Средне-Учебныхъ Заведеній Минист. Народн. Просвѣщ. и включенаго въ каталогъ книгъ для употребленія въ Ученич. библи. городск. училищъ и учит. библи. Нач. Училищъ того-же Минист.; одобренаго Ученымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, для ученическихъ библиотекъ Духовно-Учебныхъ заведеній, и циркуляромъ Главнаго Управленія Военно-Учебныхъ Заведеній отъ 19 января 1894 г. за № 3, рекомендованаго для приобритенія въ библиотеки Кадетскихъ Корпусовъ для Среднихъ ротъ.

Изданія М. М. Ледерле удостоены на 1-й Всероссийской Выставкѣ Печатнаго Дѣла малой серебряной медали.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 августа 1895 г.

453-89-0

2014079132

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

КНИГА ИМЕЕТ:

Печати. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1947 г.
3		н.с.				Р.	$\frac{44}{768}$	

52

1/8

ВЕНЬЯМИНЪ ФРАНКЛИНЪ

(род. въ 1706 г., ум. въ 1790 г.).

«Если уваженіе за желаніе блага всёмъ людямъ,—удивленіе къ таланту,—почитаніе за патріотизмъ и филантропическій образъ мыслей—могутъ удовлетворить человѣческую душу,—то для васъ, при всёхъ вашихъ тѣлесныхъ страданіяхъ, должно быть пріятнымъ утѣшеніемъ сознаніе,— что вы не даромъ жили».

(Изъ письма Вашингтона къ умирающему Франклину).

«У небесъ онъ похитилъ молнію».

(Слова д'Аламбера, произнесенныя при вступленіи Франклина во Французскую Академію).

I.

Таинственный авторъ.

Брошечная каморка на чердакъ одного изъ бостонскихъ ¹⁾ домовъ, кровать съ соломеннымъ тюфякомъ, столъ, табуретъ и полка съ книгами—вотъ обстановка, въ которой происходитъ начало нашего разсказа. Неза-

---

¹⁾ Бостонъ—главный городъ Штата Массачузетта въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

тѣйлива она, да на лучшую и не имѣть права рассчитывать ея хозяинъ, пятнадцатилѣтній типографскій ученикъ.

Самъ онъ сидитъ у стола и усердно переписываетъ что-то изъ лежащей передъ нимъ синей тетради на большой листъ бумаги. Онъ средняго роста, здороваго, плотнаго сложенія; выраженіе его лица умно и невольно располагаетъ къ себѣ; честно и привѣтливо смотрятъ его свѣтлые, голубые глаза. Онъ весь поглощенъ своей работой. Въ комнаткѣ душно и жарко; слышится въ ней лишь жужжаніе мухъ да скрипъ пера прилежнаго писца. Крупныя капли пота выступаютъ на его красивомъ, высокомъ лбу; но онъ не обращаетъ вниманія на жару—подниметь голову, отведеть рукою густые, бѣлокурые волосы, назойливо лѣзущіе ему на глаза, и опять писать. Быстро покрывается бумага крупнымъ, четкимъ и, какъ будто намѣренно, искаженнымъ почеркомъ.

На лѣстницѣ, ведущей въ каморку, раздаются шаги. Моментально схватываетъ мальчикъ тетрадь, бумагу и засовываетъ ихъ въ столъ.

— Веняминъ, гдѣ ты запропастился? — раздается чей-то недовольный голосъ. Дверь отворяется, и изъ-за нея показывается голова Якова Франклина, содержателя типографіи, роднаго брата и вмѣстѣ хозяина мальчика, которому послѣдній былъ отданъ отцомъ въ ученіе на нѣсколько лѣтъ.

— Это еще что за новость?—воскликаетъ Яковъ,— надо складывать листы, готовить номера къ разсылкѣ, а онъ забрался на свою вышку и знать ничего не хочетъ!

— Я ужъ кончилъ всю свою работу, да и къ ужину скоро позовутъ, — оправдывался Веньяминъ.

— Кончилъ работу! а другимъ помочь нельзя? Тамъ дѣла по горло, а онъ ужинать собрался! Ступай внизъ! Прежде поработай, какъ слѣдуетъ, а тамъ и думай объ ѣдѣ: хлѣбъ вѣдь даромъ не дается, — закончилъ свою воркотню разгнѣванный хозяинъ.

Понурия голову, грустно побрелъ за нимъ Веньяминъ. Великую истину, что *хлѣбъ не дается даромъ*, ему приходилось познавать съ самаго ранняго дѣтства. Онъ былъ семнадцатый ребенокъ въ семьѣ бѣднаго красильщика, занимавшагося также приготовленіемъ мыла и свѣчей; все вокругъ него трудилось; восьмилѣтнимъ мальчикомъ онъ уже помогать отцу, чѣмъ могъ: готовялъ фитили и разливалъ сало по формамъ.

Отъ природы онъ былъ ребенокъ живой, понятливый, но вспыльчиваго нрава; много пришлось ему поработать надъ собою, прежде, чѣмъ онъ выработалъ достаточно самообладанія и научился подчинять разсудку свои горячіе порывы. Вникать въ свои поступки онъ началъ уже съ ранняго дѣтства. Поводомъ къ этому послужило небольшое происшествіе, случившееся съ нимъ, когда ему едва было десять лѣтъ отъ роду. Какъ-то, въ праздникъ, пошелъ онъ купить себѣ книжечку. На дорогѣ онъ встрѣтилъ мальчика, у котораго былъ свистокъ; звуки свистка такъ ему понравились, что онъ предложилъ мальчику всѣ свои деньги съ тѣмъ, чтобы тотъ только отдалъ ему занятую вещичку. Мальчикъ согласился. Придя домой, Веньяминъ свисталъ безъ умолку и оглушалъ всѣхъ своимъ свистомъ. Братья спросили сколько далъ онъ за

свистокъ. Онъ отвѣчалъ, что отдасть всѣ свои деньги. Тогда они подняли его на смѣхъ, доказывая, что свистокъ стоитъ гораздо дешевле,—что онъ могъ бы купить на свои деньги, кромѣ свистка, еще нѣсколько книгъ. Венъяминъ понялъ, что поступилъ опрометчиво и глупо, и такъ опечалился, что не могъ даже смотрѣть на свой свистокъ. Онъ далъ себѣ слово на будущее время узнавать прежде цѣну той вещи, которую ему хочется приобрести. Урокъ этотъ произвелъ на него неизгладимое впечатлѣніе; Франклинъ часто говаривалъ о немъ даже въ старости. Когда онъ предпринималъ какое-нибудь дѣло, то тщательно обдумывалъ, стоитъ-ли оно тѣхъ усилій, которыя будутъ на него потрачены, и, вспоминая покупку свистка, говорилъ: «не хочу давать лишняго за свистокъ». Обсуждая поступки другихъ людей, онъ пришелъ къ тому заключенію, что большинство непріятностей и несчастій случается съ людьми именно оттого, что они «даютъ лишнее за свистки».

Умный и разсудительный Франклинъ—отецъ хорошо понималъ все значеніе образованія, и потому, при первой возможности, несмотря на скудные средства, сталъ посылать сына въ школу.

Въ мальчикѣ оказались блестящія способности: учителя не могли имъ нахвалиться. Похвалы эти льстили самолюбію отца, но вмѣстѣ съ тѣмъ заставляли подчасъ и сильно призадумываться: научныя занятія совсѣмъ увлекли Венъямина, и отъ этого увлеченія стали страдать его домашнія работы. До фитилей-ли было мальчику, когда въ его головѣ носились привлекательные образы историческихъ героевъ, а богатая фантазія расписывала

самыми яркими, радужными красками картины далекихъ, чудесныхъ странъ, рассказы о которыхъ онъ вычитывалъ изъ книгъ? Любимою его мечтою въ то время было сдѣлаться морякомъ. Но ни къ морской, ни къ ученой дѣятельности не готовилъ его отецъ. Морская служба казалась старику слишкомъ опасною; занятія же науками онъ считалъ роскошью, позволительно лишь богатымъ людямъ. Пробовалъ было онъ приурочить Венямина къ разнымъ ремесламъ, но не къ нимъ лежала душа талантливаго мальчика, и удовлетворить его они не могли. Блестящая мысль озарила тогда голову отца: у старшаго сына его, Якова, была въ Бостонѣ типографія.

— Отдамъ-ка я Венямина въ ученье къ его брату. Книгъ ему тамъ будетъ вдоволь, да и работы не мало. А кусокъ хлѣба можно добыть себѣ и типографскимъ дѣломъ. И вотъ Веняминъ поступаетъ въ типографію брата по условію до двадцатилѣтняго возраста. Близкое родство нисколько не помѣшало Якову относиться къ брату такъ, какъ чаще всего относятся хозяева къ ученикамъ, т. е. не особенно ласково и снисходительно. Онъ даже черезчуръ радѣлъ о томъ, чтобы мальчикъ, не избаловался, и былъ къ нему очень требователенъ, строгъ, а подчасъ даже и несправедливъ. Нечего и говорить, какъ тяжело отзывалось на Веняминѣ подобное обращеніе, какъ оно его возмущало. Мягкій и любящій по природѣ, онъ не только не могъ уважать старшаго брата, который постоянно выказывалъ себя относительно его человѣкомъ ограниченнымъ и недобрымъ, но и любовь къ нему мало-по-малу исчезла изъ его сердца. Между братьями установились холодныя, натянутыя отношенія.

Нѣсколько дней спустя послѣ сцены, съ которой начинается нашъ разсказъ,—вечеркомъ, собрались въ домѣ Якова Франклина двое—трое пріятелей, зашелъ старикъ отецъ, и пошли толки о новостяхъ дня, городскихъ происшествіяхъ, заботахъ и нуждахъ каждаго. Благодаря присутствію отца, сидѣлъ тутъ же въ сторонкѣ, прислушиваясь къ толкамъ, и Веньяминъ.

— Откуда это, Яковъ,—сказалъ одинъ изъ гостей,—проявился у тебя новый сотрудникъ, который помѣстилъ въ послѣднихъ нумерахъ твоей газеты нѣсколько статей безъ подписи? Отчего это онъ скрываетъ свою фамилію? Въдь статьи очень недурны и читаются съ большимъ интересомъ.

— Да,—подтвердилъ и старикъ Франклинъ,—написаны онѣ толково и безъ лишнихъ словъ.

— Вообразите, самъ не знаю, кто ихъ пишетъ,—отвѣчалъ Яковъ.—Находилъ я ихъ у дверей своей типографіи, а кто ихъ приносилъ—я такъ и не могъ доискаться.

— Любопытно! Кто же такой можетъ быть этотъ таинственный авторъ.

— Если желаете, могу вамъ это сказать,—проговорилъ Блумфильдъ, толстякъ-аптекарь, отряхивая пепель съ своей трубки и самодовольно поглядывая на собесѣдниковъ,—вчера я видѣлся съ Вильямомъ Смисомъ; онъ какъ-то особенно настаивалъ на томъ, чтобы я прочелъ статьи, о которыхъ вы говорите. Теперь я догадываюсь, въ чемъ дѣло: написалъ ихъ онъ,—онѣ совсѣмъ въ его духѣ,—имени же своего онъ не выставилъ потому, что у него много враговъ...

— Конечно, это — Смиль, дѣло ясно, — заговорили ис ругствующіе.

— Вовсе не онъ! — неожиданно воскликнул Веньяминъ.

Взоры всѣхъ обратились въ его сторону. Мальчикъ страшно смутился, лицо у него запылало, слезы навернулись на глаза. Чего бы онъ только не далъ, чтобы взять обратно свои слова, вызванныя самоувѣренностью Блумфильда.

— Въ такомъ случаѣ ты, по всей вѣроятности, знаешь, кто писалъ статьи? — насмѣшливо спросилъ его Яковъ.

Веньяминъ молчалъ.

— А если не знаешь, — продолжалъ старшій братъ на этотъ разъ уже рѣзко, — то я посоветовалъ бы тебѣ быть вѣжливымъ и не вмѣшиваться въ дѣла, которыя тебя не касаются.

Слова эти, а главное тонъ, съ которымъ они были сказаны, вывели Веньямина изъ себя.

— Я знаю, что говорю, и дѣло это касается меня, — взволнованно проговорилъ онъ. — Не Вильямъ Смиль писалъ эти статьи, а я!

Присутствующіе переглянулись между собою въ нѣмомъ изумленіи.

— Да ты никакъ бредишь? — заговорилъ, наконецъ, старикъ Франклинъ.

— Или лжешь? — добавилъ Яковъ.

— Я не брежу и не лгу. Эти статьи мои; вы сейчасъ увидите... — и съ этими словами мальчикъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Не прошло и минуты, какъ онъ возвратился, держа въ рукахъ уже знакомую намъ синюю тетрадь, въ которой оказался полный черновой списокъ всѣхъ статей, о которыхъ шла рѣчь.

Сомнѣнія въ правдивости словъ Венямина не оставалось никакого. Гости поздравили юнаго писателя съ такимъ успѣхомъ его первыхъ литературныхъ трудовъ, и, разойдясь по домамъ, рассказывали, какъ о диковинкѣ, о томъ, что случилось въ семьѣ Франклиновъ.

— Умная, однако, башка у Венямина, — раздумывалъ отецъ, возвращаясь домой. — Дай только Богъ, чтобы у него умъ за разумъ не зашелъ.

Яковъ отнесся къ случившемуся по своему: онъ началъ придумывать, какую пользу можно будетъ ему извлечь изъ дарованія, такъ неожиданно открывшагося въ младшемъ братѣ.

Но какъ же удалось пятнадцатилѣтнему мальчику достичь такого развитія мысли, такого совершенства слога, чтобы сразу стать на ряду съ опытными и пожилыми сотрудниками газеты? Чему былъ онъ обязанъ своимъ изъ ряда вонъ выдающимъ успѣхомъ? Тому, отъ чего зависятъ всѣ прочные успѣхи въ жизни человѣка: хорошей головѣ, полученной имъ отъ Господа Бога, а затѣмъ, *труду, труду и труду*.

Мы уже говорили, что съ первыхъ школьныхъ лѣтъ Веняминъ пристрастился къ чтенію и къ учебнымъ занятіямъ. Было время, когда онъ попробовалъ писать стихи. Одно изъ его стихотвореній, то, въ которомъ онъ описываетъ самыми мрачными красками какое-то ужасное кораблекрушеніе, удостоилось даже быть помѣщен-

нымъ въ газетѣ Якова Франклина для пополненія пустого мѣста. Но въ то время, какъ старшій братъ старался извлечь пользу изъ пристрастія младшаго къ писанію стиховъ, отецъ относился чрезвычайно недовѣрчиво къ этимъ занятіямъ Веньямина. Со свойственнымъ старику здравымъ смысломъ, указывалъ онъ сыну на всѣ погрѣшности его произведеній и всячески старался удерживать его отъ чрезмѣрнаго увлеченія стихами, т. е. тѣмъ дѣломъ, которое, по его мнѣнію, ничего не въ состояніи дать, кромѣ «голода и нищеты».

Мало-по-малу Веньяминъ самъ разочаровался въ своемъ поэтическомъ дарованіи, бросилъ писать стихи и болѣе, чѣмъ когда-либо, приналегъ на чтеніе. Считая несправедливымъ со стороны человѣка убивать животныхъ, онъ рѣшился не употреблять мясной пищи, питался хлѣбомъ и овощами, а на остальные деньги, которыя давались ему на пропитаніе, покупалъ себѣ книги. Читалъ онъ много; научныя книги и произведенія великихъ писателей (классиковъ) доставляли ему громадное удовольствіе. Его поражало изящество ихъ слога, богатство мысли, образность выраженій, и онъ задался цѣлью усвоить и себѣ, по мѣрѣ возможности, эти драгоценныя качества.

Для достиженія желаемаго онъ прибѣгъ къ слѣдующему средству: выбравъ какой-нибудь особенно понравившійся ему отрывокъ, онъ выписывалъ и заучивалъ всѣ встрѣтившіяся ему тамъ незнакомыя слова и выраженія; затѣмъ старался воспроизвести на память содержаніе отрывка, — удовлетворяясь трудомъ своимъ лишь тогда, когда написанное близко подходило къ подлиннику.

Упражненія эти принесли Венъямину огромную пользу: слогъ его улучшился, запасъ словъ и выраженій обогатился, да и самый процессъ писанія сдѣлался для него дѣломъ легкимъ и пріятнымъ.

И вотъ задумалъ онъ, наконецъ, испробовать свои силы на литературномъ поприщѣ; но, желая, чтобы читающая публика, а главнымъ образомъ его отецъ и братъ, отнеслись къ нему не какъ къ пятнадцати-лѣтнему мальчику, а какъ къ настоящему литератору,—онъ рѣшился на время скрыть свое имя.

II.

Венъяминъ Франклинъ—типографъ.

Прошло десять лѣтъ. На одномъ изъ домовъ Филадельфій, выходящемъ на рыночную площадь, появилась вывѣска, на которой крупными словами было написано: «Типографія Венъямина Франклина». Мальчикъ, котораго въ концѣ предыдущей главы мы оставили ученикомъ и чуть ли не рабомъ старшаго брата, теперь уже человѣкъ самостоятельный, хозяинъ собственной типографіи. Не сразу далась ему эта самостоятельность,—она стоила ему многихъ трудовъ и упорной борьбы.

Лѣтъ девять до того времени, слѣдовательно вскорѣ послѣ разоблаченія его первыхъ литературныхъ попытокъ, прибылъ онъ въ Филадельфію скромнымъ юношей въ потертомъ платьѣ, съ небольшимъ узелкомъ подъ мышкою и двумя-тремя мелкими монетами въ кошелькѣ.

Но на душѣ у него было такъ же легко, какъ и въ карманѣ. Въ первый разъ въ жизни чувствовалъ онъ себя ни отъ кого независящимъ, вольнымъ, какъ птица, и чувство это дѣлало его бодрымъ и веселымъ, заставляя все видѣть въ розовомъ свѣтѣ. Дѣло въ томъ, что опека брата и постоянныя съ нимъ непріятности сдѣлались, наконецъ, Венъямину невыносимыми.

— Нѣтъ, ужъ лучше ломать камни на большой дорогѣ, чѣмъ вести такую жизнь! Свѣтъ великъ, а я молодъ и силенъ; неужели же не найдется въ немъ мѣстечка, гдѣ бы мнѣ жилось сносно?—разсуждалъ молодой человекъ и, наконецъ, рѣшилъ бросить домъ брата и постараться жить самостоятельно.

Вскорѣ представился къ этому и удобный случай: за какую-то черезчуръ вольную статью Якову Франклину было запрещено издавать газету; чтобы обойти это запрещеніе, братья рѣшили перевести изданіе газеты на имя Венъямина, но для этого требовалось уничтоженіе его ученическаго контракта, такъ какъ ученикъ не могъ быть издателемъ, и контрактъ, главное звено, приковывавшее младшаго Франклина къ старшему, былъ такимъ образомъ уничтоженъ. Но при этомъ между обоими братьями состоялось взаимное соглашеніе, что Венъяминъ останется въ типографіи на прежнемъ положеніи и доработаетъ брату остающееся число лѣтъ. Однако-жь, при первой крупной ссорѣ, происшедшей между братьями, Венъяминъ, воспользовавшись тѣмъ, что официально онъ отъ брата уже не зависитъ, объявилъ ему, что онъ отъ него уходитъ. Это было нарушеніемъ данного слова, которое для порядочнаго человѣка сильнѣе всякаго кон-

тракта, и Франклинь строго осуждалъ себя впоследствии за этотъ поступокъ, называя его однимъ изъ самыхъ крупныхъ заблужденій въ своей жизни, не оправдывая его ни дурнымъ характеромъ старшаго брата, ни тяжелою жизнью, которую ему приходилось вести въ его домѣ. Оставаться въ Бостонѣ, гдѣ вся его семья была противъ него возстановлена, Франклину было невозможно, и онъ рѣшилъ попытать счастья въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Сколотивъ себѣ немножко деньжонокъ продажей большей части своихъ книгъ, онъ взялъ мѣсто на кораблѣ и отправился въ Нью-Йоркъ.

На пути къ этому городу случилось обстоятельство, положившее конецъ воздержанію Франклина отъ мясной пицци. Онъ очень любилъ рыбу. Во время одной изъ стоянокъ, по случаю штиля, матросы наловили много трески и принялись ее жарить. Франклинь присутствовалъ при этомъ и замѣтилъ много маленькихъ рыбокъ въ желудкахъ большихъ, которыя ихъ проглотили.

— Такъ вотъ оно что, — сказалъ онъ самъ себѣ: — вы поѣдаете другъ друга, почему же не ѣсть васъ человѣку? — И онъ тутъ же разговѣлся трескою послѣ своего долгаго поста.

Въ Нью-Йоркѣ Франклинь не нашелъ себѣ работы, такъ какъ этотъ городъ, подобно большинству остальныхъ американскихъ колоній, получалъ въ то время почти всѣ книги, газеты и даже бумагу изъ Англій. Волей-неволей пришлось пустить въ ходъ послѣднія средства и продолжать путь до Филадельфій, гдѣ, какъ ему сказали нуждались въ людяхъ, знающихъ типографское дѣло.

Онъ отправился туда по морю на старомъ, дрянномъ

суденышкѣ, которое качать во все стороны вѣтеръ и затоплялъ дождь. Добравшись кое-какъ до Филадельфiи и выйдя на берегъ, Франклинь прежде всего отправился въ булочную, куда ему указывалъ дорогу громко заговорившій молодой апшетить.

Весь свой капиталъ выложилъ онъ на прилавокъ и былъ прiятно изумленъ, когда булочница, вмѣсто ожидаемаго одного хлѣбца, подала ему цѣлыхъ три.

— О, да какой же я богачъ! — весело подумалъ онъ. — Буду ѣсть по-немножку, такъ у меня провизiи, пожалуй, дня на два хватить.

Но тутъ припомнилась ему бѣдная вдова, находившаяся въ числѣ пассажировъ того судна, на которомъ онъ прiѣхалъ, и судьба хлѣбцевъ была рѣшена совершенно иначе: засунувъ въ карманъ два изъ нихъ и принявшись уплетать третiй, опрометью побѣжалъ онъ на пристань, розыскалъ свою спутницу, сунулъ ей хлѣбцы и пошелъ затѣмъ бродить по городу, не подвернется-ли, молъ, какая работа. На этотъ разъ ему посчастливилось и онъ поступилъ помощникомъ къ типографу Кимеру.

Не легки были первые годы самостоятельной жизни Веньямина. Кимеръ ничего не смыслилъ въ типографскомъ дѣлѣ и сваливалъ всю работу на своего помощника, которому, такимъ образомъ, приходилось работать за двоихъ. Но энергичный, любившiй трудъ и привыкшiй къ нему Франклинь не жаловался на судьбу, не падалъ духомъ и бодро тянулъ ляжку, посвящая попрежнему все свои свободныя минуты чтенiю и научнымъ занятiямъ. Такимъ образомъ онъ изучилъ въ совершенствѣ типографское дѣло и прiобрѣлъ даже нѣкоторую извѣстность среди

рабочаго сословія Филадельфіи. Всѣ отзывались о немъ, какъ о честномъ, умномъ, неутомимомъ работникѣ. Слухи о Франклинѣ дошли, наконецъ, и до губернатора Филадельфіи, сэра Вильяма Кэйта, который пожелалъ съ нимъ познакомиться, и очень заинтересовался образованнымъ и талантливымъ молодымъ человѣкомъ. Онъ посовѣтовалъ Веньямину основать собственную типографію, обѣщая передать въ такомъ случаѣ всѣ казенные заказы, и самъ написалъ старику Франклину, прося, чтобы тотъ поддержалъ въ этомъ дѣлѣ сына, и далъ ему возможность приобрести всѣ необходимыя типографскія принадлежности, за которыми нужно было отправиться въ Англію. Но старикъ на это не согласился, объясняя отказъ тѣмъ, что у него нѣтъ достаточно средствъ, да и своего восемнадцатилѣтняго сына онъ не считалъ еще достаточно развитымъ, чтобы сдѣлаться хозяиномъ самостоятельнаго заведенія. Тогда, не долго думая, Веньяминъ рѣшилъ отправиться въ Англію на собственные деньги, которыя ему удалось скопить съ той поры, какъ онъ сталъ работать у Кимера, и которыхъ, въ сущности, у него было очень и очень мало. Губернаторъ Кэйтъ вполнѣ одобрилъ его намѣреніе и обѣщалъ немедленно же отправить въ Англію нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ разнымъ лицамъ, которыя должны были принять молодого американца и снабдить всѣмъ необходимымъ въ долгъ, за поручительствомъ самого Кэйта. Но вельможа этотъ принадлежалъ къ числу людей, неумѣющихъ держать свои обѣщанія: по пріѣздѣ Франклина въ Лондонъ, оказалось, что никакихъ рекомендацій для него изъ Америки послано не было, и онъ очутился посреди чужого громаднаго

города безъ денегъ и безъ какихъ бы то ни было связей и знакомствъ.

Нечего дѣлать! вмѣсто того, чтобы сдѣлаться хозяиномъ, пришлось Франклину приняться снова за трудъ въ качествѣ простаго работника. Но онъ былъ молодъ, здоровъ и не умѣлъ падать духомъ. За дѣло онъ принялся съ своею обычною энергіею, и вскорѣ аккуратному рабочему стали довѣрять въ типографіи, куда онъ поступилъ, срочные заказы, оплачивающіеся гораздо лучше остальныхъ. Кромѣ того, онъ отличался воздержаніемъ и предусмотрительностью, такъ что у него всегда водились лишніи деньги. Самъ онъ не пилъ ничего, исключая воды, но никогда не отказывался поручиться за товарища въ нивной. Собесѣдникъ онъ былъ прекрасный, живой, остроумный и добродушный, — а при такихъ условіяхъ ему не трудно было пріобрѣсти любовь всѣхъ своихъ товарищей и имѣть на нихъ сильное и хорошее вліяніе.

Путешествіямъ приписывается, вообще, важное значеніе въ развитіи ума и характера человѣка. Немудрено поэтому, что пребываніе въ Англіи было выдающимся событіемъ въ жизни пытливаго, любознательнаго Франклина; оно столкнуло его со множествомъ людей, познакомило съ новою обстановкою и съ новымъ строемъ жизни; запасъ его свѣдѣній обогатился, кругозоръ мысли расширился. Эта первая поѣздка, сдѣланная Франклиномъ въ качествѣ простаго работника, послужила какъ бы подготовленіемъ къ тому путешествію въ Европу, которое ему пришлось предпринять много лѣтъ спустя, и отъ котораго зависѣла даже судьба его отечества.

Полтора года прожилъ Франклинъ въ Англіи. Въ

Филадельфію онъ возвратился, сопровождая, въ качествѣ секретаря и счетовода, купца, по фамиліи Дэнгемъ, который, однако, вскорѣ умеръ, и Франклинъ поступилъ къ своему прежнему хозяину, типографу Кимеру. На него возложили теперь обученіе нѣсколькихъ молодыхъ людей, находившихся при типографіи. Одинъ изъ нихъ, Гуго Мередитъ, сынъ состоятельныхъ родителей, сильно привязался къ доброму, снисходительному Франклину, и предложилъ ему открыть вмѣстѣ съ нимъ типографію; Мередитъ долженъ былъ доставить средства, Франклинъ же, изучившій въ совершенствѣ типографское дѣло въ лучшихъ лондонскихъ типографіяхъ, взялся руководить работами. Однако черезъ 4 года Мередитъ, выросшій на волѣ, въ деревнѣ, почувствовалъ, что занятія въ типографіи ему не по душѣ, и вышелъ изъ товарищества съ тѣмъ, чтобы заняться сельскимъ хозяйствомъ, а Франклинъ, выплативъ Мередиту затраченныя имъ деньги, остался одинъ во главѣ всего заведенія.

Средства Франклина въ это время были очень ограничены. Кромѣ его типографіи, въ Филадельфіи существовало еще двѣ, имѣвшія за собою всѣ хорошо обезпеченные заказы, какъ напримѣръ, печатаніе кредитныхъ бумагъ, казенныхъ бланковъ и т. п. Лишь упорнымъ трудомъ и отличными качествами работы возможно было выдержать Франклину подобную конкуренцію; онъ понималъ это, и не позволялъ себѣ пренебрегать ничѣмъ, что могло способствовать ему составить себѣ хорошую репутацію. Въ типографіи своей онъ былъ не только хозяиномъ, но и первымъ работникомъ. Онъ принимался за работу до свѣта, и нерѣдко случалось, что глубокая

ночь заставляла его еще за нею. Никакого занятія не считалъ онъ для себя зазорнымъ. Часто можно было встрѣтить его на улицахъ Филадельфіи, везущимъ на тачкѣ бумагу, купленную имъ въ какомъ нибудь оптовомъ складѣ.

«Человѣкъ, честно выполняющій свое призваніе, каково бы оно ни было, всегда имѣетъ право занять мѣсто на ряду съ королями», — частенько говаривалъ Франклинъ.

Никогда не видали его въ мѣстахъ, которыя служатъ сборищемъ для праздныхъ людей; не занимался онъ ни охотою, ни рыбною ловлею — удовольствіями, которыя были въ то время въ большомъ ходу среди ремесленного сословія. Единственнымъ его развлеченіемъ были книги; но и ими пользовался онъ лишь тогда, когда вся его дневная работа была покончена.

Въ женѣ своей, дочери своего бывшего квартирнаго хозяина, мистера Рида, съ которою онъ вступилъ въ бракъ вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ Англіи, онъ нашелъ лучшаго товарища на всю свою жизнь.

Въ то время, какъ мужъ работалъ въ типографіи, она вела сама все домашнее хозяйство, обходясь безъ всякой прислуги, и даже, чѣмъ могла, помогала ему въ его занятіяхъ.

Обстановка ихъ была самая скромная; одежду они носили простую, сшитую дома, и ѣли изъ глиняной посуды, оловянными ложками. Однажды по утру, однакожь, миссисъ Франклинъ подала мужу чай въ фарфоровой чашкѣ съ серебряною ложкой, которыя она купила безъ его вѣдома за 23 шиллинга ¹⁾.

---

¹⁾ Шиллингъ = 28 к.

— Ты, право, стоишь серебра и фарфора не меньше наших сосѣдей, — какъ бы оправдываясь, проговорила добрая женщина, съ любовью глядя на него.

— Въ этотъ день серебро и фарфоръ впервые появились въ нашемъ домѣ, — говорить Франклинъ въ своихъ запискахъ.

Такой скромный, даже суровый, образъ жизни вели они не отъ бѣдности. Дѣла Франклина шли отлично; но онъ съ женой считали, что грѣшно черезчуръ угождать своей плоти, и находили лучшее примѣненіе для своихъ лишнихъ денегъ. Они дѣлали много добра, а какъ деликатно умѣли они дѣлать это добро — мы увидимъ изъ слѣдующаго письма Франклина къ одному бѣдному ремесленнику:

«Мой милый другъ!

Посылаю вамъ при этомъ письмѣ десять червонцевъ. Я не намѣренъ дарить вамъ эту сумму; я даю вамъ ее только въ долгъ. Когда вы возвратитесь къ себѣ на родину, то навѣрное найдете вскорѣ какое нибудь занятіе, которое дастъ вамъ возможность расплатиться съ долгами. Въ такомъ случаѣ, прошу васъ — поищите порядочнаго человѣка, находящагося въ положеніи, подобномъ тому, въ какомъ находитесь вы въ настоящую минуту. Вы расквитаетесь со мною, отдавъ ему десять червонцевъ на тѣхъ самыхъ условіяхъ, которыя я предлагаю вамъ. Лъшу себя надеждой, что эти деньги помогутъ многимъ порядочнымъ людямъ прежде, чѣмъ попадутъ въ руки какого нибудь негодяя.

Изобрѣтеніе это принадлежитъ мнѣ; цѣль его — не-

большими деньгами сдѣлать много добра. Я недостаточно богатъ, чтобы тратить много на добрыя дѣла; поэтому я и надѣюсь найти своимъ маленькимъ средствамъ наилучшее примѣненіе.

Преданный вамъ другъ,
Венъяминъ Франклинъ».

Нужно ли говорить, что, устроивъ свою жизнь такимъ образомъ, трудясь упорно и добросовѣстно съ одной стороны, и не позволяя себѣ никакихъ излишествъ съ другой, Франклинъ достигъ блестящаго результата въ своихъ трудахъ? Типографія его была завалена заказами, съ которыми онъ едва успѣвалъ справляться. Но, не удовлетворяясь однимъ только матеріальнымъ успѣхомъ Франклинъ значительно расширилъ свою дѣятельность.

До того времени сѣверо-американскія колоніи не имѣли ни журналовъ, ни альманаховъ, ни типографскихъ принадлежностей; даже бумага, и та привозилась готовою изъ Англій. Что же касалось до американскихъ газетъ, то въ нихъ помѣщались однѣ перепечатки изъ англійскихъ журналовъ.

Франклинъ первый сталъ помѣщать самостоятельныя статьи сначала въ газетѣ своего брата, въ Бостонѣ, а затѣмъ и въ своей собственной, которую онъ сталъ издавать въ Филадельфіи. Въ нихъ онъ обсуждалъ вопросы, касающіеся интересовъ его соотечественниковъ, говорилъ о народномъ образованіи, о сельскомъ хозяйствѣ и о дѣйствіяхъ правительства въ колоніяхъ.

Въ 1732 году издалъ онъ свой знаменитый альманахъ-сборникъ, извѣстный подъ названіемъ «Альманахъ

добряка Ричарда», который для народа былъ тѣмъ же, чѣмъ для образованнаго класса его газета.

О содержаніи альманаха, расходившагося ежегодно въ количествѣ 10,000 экземпляровъ, мы поговоримъ впоследствии. Книгою этой Франклинъ воспользовался, чтобы обогатить свою страну новымъ производствомъ: онъ не продавалъ ее за деньги, а обмѣнивалъ на старыя тряпки, которыя водятся въ хозяйствѣ каждаго бѣдняка, а изъ нихъ сталъ готовить бумагу. По его примѣру въ Америкѣ открылось вскорѣ пять или шесть бумажныхъ фабрикъ. Благодаря ему, увеличилось также и число типографій. Онъ образовывалъ прекрасныхъ типографовъ и разсылалъ ихъ по разнымъ городамъ, снабжая ихъ при этомъ имъ самимъ приготовленными станками и шрифтомъ. Съ учениками своими онъ составилъ нѣчто въ родѣ товарищества, оставляя за собою треть доходовъ.

Всю свою жизнь старался Франклинъ, тѣмъ или другимъ путемъ, принести пользу своимъ согражданамъ. Живя въ своей усадьбѣ, онъ дѣлалъ опыты надъ разнаго рода удобреніями земли, и нашелъ, что, если удобрить гипсомъ бесплодную землю, то она дастъ хорошую траву. Онъ сообщилъ это своимъ сосѣдямъ земледѣльцамъ, но тѣ какъ-то недовѣрчиво отнеслись къ его совѣту и не слѣдовали ему. Тогда Франклинъ придумалъ слѣдующій способъ, чтобы убѣдить своихъ упрямыхъ сосѣдей: онъ вспахалъ бесплодный пустырь и приказалъ положить на него гипсовое удобреніе большими полосами, прямыми, косыми и полукруглыми, изображавшими исполинскія буквы. Когда наступило время сѣнокоса, то среди пустыря, на этихъ полосахъ, появились, въ видѣ густой, зеленой травы, слѣ-

дующія слова: «Здѣсь удобрено гипсомъ». Справедливость того, что говорилъ Франклинъ была такимъ образомъ неоспоримо доказана, и на слѣдующій уже годъ много безплодныхъ пустырей превратились, благодаря ему, въ зеленѣющіе луга.

Такимъ образомъ научилъ Франклинъ своихъ соотечественниковъ обходиться безъ англійскихъ журналовъ и бумаги, какъ бы подготавливая ихъ этимъ къ тому, чтобы они могли впоследствии обойтись и безъ англійскаго управленія.

Результатомъ такой разнообразной дѣятельности было, конечно, то, что матеріальныя средства Франклина улучшались съ каждымъ годомъ, и отъ скромнаго довольства онъ перешелъ къ богатству. Но, употребивъ первую половину жизни на обезпеченіе себѣ куска хлѣба, онъ не хотѣлъ терять другую на наживу.

Въ сорокъ два года онъ счелъ себя достаточно богатымъ и, передавъ типографію своему помощнику, Давиду Голико, вступилъ на другой путь не менѣ трудный, но уже съ болѣе возвышенною цѣлью.

Занятія наукою и служеніе отечеству, которое Франклинъ облагодѣтельствовалъ своими открытіями и поучительнымъ примѣромъ всей своей жизни, — вотъ то, къ чему обратились теперь стремленія великаго человѣка.

III.

Изобрѣтеніе громоотвода.

Природа и ея чудесныя явленія сильнѣе всего возбуждали интересъ Франклина. Любимой его наукою сдѣ-

далась физика, и вскорѣ всѣ образованные люди признали въ скромномъ типографѣ талантливаго ученаго.

Въ 1743 году, за пять лѣтъ до того времени, какъ Франклинъ оставилъ свою типографію, ему поручено было составить программу для одного ученаго общества, чуть ли не перваго въ Америкѣ.

Тѣсная связь съ этимъ обществомъ, въ которую былъ поставленъ Франклинъ, явилась ближайшей причиною сдѣланныхъ имъ великихъ открытій, благодѣтельныхъ для всего человѣчества. Занимаясь опытами надъ принадлежавшей обществу электрической машиной, Франклинъ былъ пораженъ сходствомъ между явленіями электричества и грозы.

Зловѣщее безмолвіе, господствующее при началѣ грозы, мрачное небо, буря и вихрь, несущіе къ намъ свинцовыя тучи, ужасные раскаты грома, и болѣе всего молнія, несущая смерть вмѣстѣ съ гибелью тому мѣсту, надъ которымъ она разражается—всѣ эти явленія поражаютъ величіемъ своимъ изображеніе человѣка и внушаютъ ему какой-то благоговѣйный трепетъ. Съ самыхъ давнихъ временъ старался человѣкъ объяснить себѣ причину этихъ явленій и дѣлалъ это самыми разнообразными способами. Древніе, непросвѣщенные народы приписывали грозу гнѣвному проявленію Божественной воли и считали молнію орудіемъ Верховнаго Божества. Лишь въ позднѣйшее время люди стали доискиваться дѣйствительныхъ причинъ явленій природы. Относительно грозы появлялись прежде довольно неудачныя мнѣнія. На молнію стали смотрѣть, какъ на воспламененіе въ воздухѣ горячаго пара, и сравнили ее съ воспламененіемъ пороха. Великій французскій ученый

Декартъ полагалъ, что молнія—не болѣе, какъ свѣтовое явленіе, громъ же онъ считалъ послѣдствіемъ шума, который долженъ возникать, когда большое количество облаковъ свергается внезапно съ значительной высоты на нижележація. Затѣмъ стали толковать, не происходитъ ли гроза отъ электричества? не одно ли и тоже искра электрической машины и грозныя стрѣлы молніи?

Венъяминъ Франклинъ удачнымъ опытомъ уничтожилъ всякое сомнѣніе въ этомъ отношеніи. Онъ приготовилъ себѣ большого змѣя изъ шелковой матеріи, натянутой на рамку. Къ верхнему концу этого змѣя онъ прикрѣпилъ желѣзное остріе. Шнурокъ змѣя состоялъ изъ пеньковой нитки, къ нижнему концу которой былъ привязанъ шелковый шнурокъ, а на немъ висѣлъ стальной ключъ, служившій рукояткою. (Желѣзо и сталь—хорошіе проводники электричества, пенька и шелкъ въ сухомъ состояніи—дурные проводники; смоченные, они становятся также проводниками). Съ этимъ приборомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ электрическаго змѣя, Франклинъ отправился однажды лѣтомъ, 1752 года, въ сопровожденіи своего сына, на лугъ, надъ которымъ собиралась гроза. Несмотря на то, что громовая туча шла довольно низко, и змѣй почти достигъ ее, въ первыя минуты Франклинъ не замѣчалъ въ немъ никакого признака электричества. Но вотъ началъ накрапывать дождь, шнурокъ змѣя смочился, сдѣлался проводникомъ и, дотронувшись до ключа, Франклинъ почувствовалъ, къ величайшей своей радости, довольно сильный толчокъ и увидѣлъ большую, яркую искру, какъ будто змѣй находился вблизи сильной электрической машины. Но единственнымъ источникомъ электричества въ

данномъ случаѣ являлась атмосфера и громовыя облака; предположеніе Франклина было такимъ образомъ подтверждено: явленіе грозы являлось дѣйствіемъ электричества. Хорошо еще, что шнурокъ намокъ не сильно; иначе Франклина и его сына легко могла постигнуть печальная участь петербургскаго академика Рихмана, убитаго въ 1753 году молніею въ то время, когда онъ производилъ опыты надъ электричествомъ.

Франклинъ не удовлетворился сдѣланнымъ имъ важнымъ открытіемъ; узнавъ причину грома и молніи, онъ задался цѣлю оградить людей отъ губительнаго дѣйствія молніи.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и вотъ на одной изъ улицъ Филадельфіи прохожіе стали обращать вниманіе на работы, происходившія на домѣ купца Веста, одного изъ самыхъ близкихъ пріятелей Франклина. На крышѣ утверждался длинный металлическій шестъ съ блестящимъ остріемъ, и соединялся съ землею посредствомъ желѣзной полосы, шедшей вдоль стѣны.

— Что это такое?—спрашивали любопытные зрители у занимавшихся этимъ дѣломъ работниковъ.

— Веньяминъ Франклинъ хочетъ уводить въ землю грозу,—отвѣчали имъ работники, не выясняя этимъ, конечно, ничего.

Съ недоумѣніемъ, покачивая головою, проходили мимо спрашивавшіе, разсуждая о томъ, что хоть и умень Веньяминъ Франклинъ, а такое несбыточное дѣло врядъ-ли ему удастся. Съ тѣхъ поръ при каждой грозѣ множество любопытныхъ глазъ обращались къ дому Веста, нетерпѣливо ожидая, что же такое тамъ произойдетъ.

Ожиданіямъ этимъ вскорѣ суждено было сбыться.

Однажды надъ Филадельфіею собралась сильная гроза: тяжело нависли надъ городомъ свинцовыя, мрачныя тучи, то и дѣло разсѣбаемыя огненными языками молніи. Особенно близко подошли они къ дому Веста, вокругъ котораго собралась толпа народа. Блестящій шпигль, казалось, притягивалъ облака.

— Господи!—слышалось въ толпѣ.—Да Франклинъ не отводитъ грозу отъ дома, а наводитъ ее на него!

— И къ чему онъ себѣ грѣхъ на душу беретъ? Можно ли человѣку идти противъ гнѣва Божьяго?

Въ это самое время туча совершенно приблизилась къ дому: сверкающая молнія разсѣкла ея нѣдра, прямо направляясь къ блестящему шпиглю; послышался оглушительный ударъ грома. У зрителей замерло сердце. Они закрыли глаза, проклиная любопытство, приведшее ихъ къ дому, которому, какъ казалось всѣмъ, не устоять противъ такого напора грозы. Но вотъ громъ стихаетъ, а домъ все цѣлъ и невредимъ. Грозная туча медленно, точно обезсиленная, удаляется: не блеститъ больше молнія, не гремитъ громъ.

Такимъ образомъ значеніе громоотвода и его сила были блистательно доказаны, и нѣтъ въ настоящее время ни одного города, во всемъ образованномъ мірѣ, гдѣ бы не пользовались благодѣтельнымъ изобрѣтеніемъ гениальнаго типографа.

IV.

Записная книжка Франелина.

Разсказываютъ, что какой-то индѣецъ попросилъ у своего сосѣда табаку. Сосѣдъ былъ человѣкъ не скупой, полѣзъ въ карманъ и вынулъ оттуда полную горсть. На другое утро индѣецъ пришелъ къ сосѣду и принесъ ему серебряную монету, которую нашелъ въ табакѣ. «Отчего-жъ ты не оставилъ ее у себя?»—спросилъ случившійся при этомъ бѣлый человѣкъ: «тотъ, кто подарилъ тебѣ табакъ, подарилъ и деньги.»—Тогда дикарь прижалъ руку къ сердцу и сказалъ: «здѣсь у меня сидятъ два человѣка: — добрый и злой. Добрый говорилъ мнѣ: деньги тебѣ не принадлежатъ: отдай ихъ тому, чьи онѣ. А злой говорилъ: тебѣ ихъ дали — онѣ твои. Добрый сказалъ на это: неправда, табакъ твой, а деньги не твои. Злой человѣкъ опять сказалъ: не безпокойся; пойдѣ купи себѣ водки. Я не зналъ, на что рѣшиться, и легъ спать. Но злой и добрый человѣкъ не переставали драться у меня въ сердцѣ, и не дали заснуть всю ночь; утромъ я вскочилъ и понесъ деньги назадъ».

Въ комъ изъ насъ не водится «злого человѣка», о которомъ такъ наивно разсказывалъ простодушный дикарь? Водился онъ и въ Венъяминѣ Франклинѣ. Онъ-то шепнулъ ему измѣнить слову, данному старшему брату, и уйти изъ его типографіи; благодаря подстрекательствамъ

этого «злого человѣка», дѣлалъ Франклинъ въ ранней молодости и другія ошибки, отъ которыхъ страдалъ онъ самъ и заставлялъ иногда страдать и близкихъ ему людей. Но Франклинъ былъ строгъ къ самому себѣ; заблужденій своихъ онъ не только не старался извинять въ собственныхъ глазахъ, но каралъ себя за нихъ безпощадно. Въ немъ окрѣпло твердое намѣреніе обуздать «злого человѣка», заглушить въ себѣ его голосъ и вполнѣ отдаться внушеніямъ «добраго». Онъ сталъ ревностно работать надъ самимъ собою, надъ своимъ нравственнымъ самоусовершенствованіемъ, а зная, какія пріятныя вещи насчитываетъ иногда «злой человѣкъ», и какимъ суровымъ можетъ казаться добрый, мы поймемъ, что не легка была работа, за которую принялся Франклинъ въ молодыхъ еще годахъ. Но отнесся онъ къ ней съ такою же точно добросовѣстностью и такимъ же постоянствомъ, съ какимъ работалъ въ своей типографіи, и старанія его, какъ мы увидимъ ниже, увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Франклинъ понималъ, что невозможно сразу исправить дурныя наклонности и привычки и пріобрѣсти, взамѣнъ ихъ, хорошія, сознавая все же, что этого можно достигнуть только постепенно, что для этого нужно своего рода искусство, и потому серьезно занялся обсужденіемъ—плана исправленія самого себя.

«Такъ какъ я умѣлъ, или думалъ, что умѣю»,—говоритъ онъ,—«отличать хорошіе поступки отъ дурныхъ, то я не видѣлъ причины, почему бы я не могъ всегда поступать хорошо и избѣгать дурныхъ поступковъ. Но я скоро нашелъ, что подобная задача труднѣе, чѣмъ я воображалъ. Когда всѣ мои заботы и все мое вниманіе было

направлено къ тому, чтобы избѣжать одной погрѣшности, я неожиданно для себя, по разсѣянности или по привычкѣ, дѣлалъ другую; склонность оказывалась часто сильнѣе самого разума. И пришелъ я, наконецъ, къ заключенію, что одного рѣшенія поступать всегда хорошо еще недостаточно, чтобы предохранить насъ отъ дурныхъ поступковъ, и что слѣдуетъ, искореняя дурныя привычки, приобрѣсти хорошія и утвердиться въ нихъ прежде, чѣмъ съ увѣренностью рассчитывать на неизмѣнно хорошее поведеніе».

Итакъ Франклинъ убѣдился, что для достиженія желаемаго нравственнаго совершенства необходимо постоянно и строго наблюдать за самимъ собою. Съ этою цѣлью онъ составилъ себѣ списокъ тѣхъ качествъ и привычекъ, которыя считалъ необходимымъ приобрѣсти. При этомъ онъ расположилъ ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы приобрѣтеніе одной хорошей привычки облегчало усвоеніе другой, и сдѣлалъ имъ точное опредѣленіе.

Вотъ этотъ интересный, крайне оригинальный и симпатичный списокъ.

1. *Воздержаніе*. Не ѣшьте до отягощенія; не пейте до разгоряченія головы.

2. *Молчаливость*. Говорите только о томъ, что можетъ быть полезно вамъ или другимъ, — не пустословьте.

3. *Порядокъ*. Пусть каждая вещь имѣетъ определенное мѣсто, а каждое занятіе свое определенное время.

4. *Рѣшимость*. Рѣшайтесь дѣлать то, что вы должны дѣлать и дѣлайте непременно то, на что вы разъ рѣшились.

5. *Бережливость.* Дѣлайте только тѣ расходы, которые необходимы для васъ, или для другихъ, — словомъ не будьте расточительны.

6. *Трудолюбіе.* Не теряйте даромъ золотаго времени; занимайтесь всегда какимъ-нибудь полезнымъ дѣломъ. Дѣлайте только то, что необходимо.

7. *Правдивость.* Не прибѣгайте ни къ какимъ уверткамъ; чистосердечіе и правдивость да господствуютъ въ вашей душѣ и внушаютъ вамъ новыя благотворныя мысли.

8. *Справедливость.* Не дѣлайте никому зла, и оказывайте другимъ тѣ услуги, которыхъ они въ правѣ ожидать отъ васъ.

9. *Умѣренность.* Избѣгайте всякихъ крайностей и излишествъ.

10. *Опрятность.* Не допускайте ни малѣйшей неопрятности ни на себѣ, ни вокругъ себя.

11. *Спокойствіе.* Не растраивайтесь пустяками или событіями необыкновенными, но неизбѣжными.

12. *Смирение.* Подражайте Иисусу Христу.

«Я помѣстилъ воздержаніе первымъ», — говоритъ Франклинъ, — «потому что оно сохраняетъ голову свѣтлою, а мысли ясными, что совершенно необходимо, когда приходится постоянно наблюдать за собою, постоянно быть на сторожѣ, чтобы не подпасть подъ власть нашихъ прежнихъ дурныхъ привычекъ и искушеній, которыя на каждомъ шагѣ заявляютъ о себѣ. Утвердившись въ воздержаніи, легче будетъ усвоить и молчаливость. Въ виду того, что въ разговорахъ мы научаемся больше слухомъ, чѣмъ языкомъ и такъ какъ я желалъ искоренить въ себѣ привычку болтать, шутить и острить, дѣлавшую разговоръ

мой пріятнымъ только для людей праздныхъ и поверхностныхъ, то второе мѣсто я отвелъ молчаливости. Я надѣялся, что въ связи съ привычкою къ порядку молчаливость доставитъ мнѣ болѣе времени для занятій и для осуществленія моего плана нравственнаго усовершенствованія. Рѣшимость должна была доставитъ мнѣ необходимую настойчивость въ усвоеніи другихъ добрыхъ привычекъ. Бережливость и трудолюбіе должны были сдѣлать меня независимымъ и обезпеченнымъ и т. д.». Понимая всю трудность и сложность задачи, которую онъ себѣ задалъ, Франклинъ призналъ, что ему необходимо ежедневно строго провѣрять себя, въ томъ какъ онъ выполняетъ планъ нравственнаго самоусовершенствованія. Съ этою цѣлью онъ завелъ особую записную книжку, въ которой для каждой недѣли было отведено по страничкѣ. Каждую страницу раздѣлилъ онъ вертикальными линиями на семь столбцовъ, по числу дней недѣли; при началѣ страницы сверху внизъ выписалъ названія 12 качествъ, усвоить которыя считалъ для себя необходимымъ. Если въ теченіи недѣли ему приходилось погрѣшить противъ котораго-нибудь изъ нихъ, то это отмѣчалось крестикомъ, въ соотвѣтствующемъ столбцѣ. Кромѣ того, зная, что нельзя пріобрѣсти всѣхъ вышеозначенныхъ привычекъ сразу, Франклинъ посвящалъ цѣлую недѣлю достиженію только одной привычки, названіе которой выписывалось на верху таблицы. Такъ, въ теченіи первой недѣли онъ обратилъ все свое вниманіе на то, чтобы избѣгать малѣйшей погрѣшности противъ воздержанія; затѣмъ перешелъ къ усвоенію слѣдующаго качества, стараясь при этомъ не погрѣшать и противъ остальныхъ и т. д.

Страница изъ записной книги Франклина, помѣченная:
1-го іюля 1733 г.

В о з д е р ж а н і е .						
Воскр.	Понед.	Вторн.	Среда	Четв.	Пяти.	Субб.
Воздержаніе	+	+				
Молчаливость	+	+	+		+	+
Порядокъ		+			+	
Рѣшимость		+			+	
Бережливость			+			
Трудолюбіе						
Правдивость						
Справедливость						
Умѣренность						
Опрятность						
Спокойствіе			+			
Смиреніе						

Начавъ такимъ образомъ постоянно наблюдать за собою, Франклинъ замѣтилъ въ себѣ гораздо больше недостатковъ, чѣмъ предполагалъ; но вскорѣ онъ утѣшился видя, что страницы книжечки становятся все болѣе и болѣе чистыми.

Больше всего пришлось ему потрудиться надъ порядкомъ.

Что касается молчаливости, поставленной Франклиномъ на второмъ мѣстѣ въ его списокѣ, то качествомъ этимъ онъ владѣлъ вполне: оставаясь пріятнымъ собесѣд-

никомъ, онъ возненавидѣлъ всѣ лишніе пустые разговоры и любопытные разспросы.

Во время его путешествій часто случалось, что по приѣздѣ въ гостиницу его начинали прежде всего разспрашивать о томъ, кто онъ такой, откуда, куда ѣдетъ и т. п. Разспрашивали и хозяинъ, и хозяйка, и даже прислуга. Приходилось такимъ образомъ повторять одно и то же нѣсколько разъ. Чтобы избѣжать подобной непроизводительной траты времени, Франклинъ прибѣгъ къ слѣдующему способу. Приѣхавъ въ гостиницу, онъ тотчасъ же созывалъ хозяевъ, ихъ дѣтей и прислугу.— «Милые мои»,—обращался онъ къ нимъ,—«я—Венъяминъ Франклинъ изъ Филадельфіи, типографъ по ремеслу. Въ томъ городѣ, куда я ѣду, у меня есть нѣсколько родственниковниковъ, которыхъ я хочу навѣстить. Останусь я тамъ не долго, чтобы скорѣе вернуться домой, какъ подобаетъ каждому благоразумному человѣку, не желающему запускать своихъ дѣлъ. Вотъ все, что я о себѣ знаю и могу вамъ сообщить. Теперь же прошу васъ,—позаботьтесь обо мнѣ, равно какъ и о моей лошади: дайте намъ поѣсть».

Наконецъ, Франклинъ достигъжелаемаго нравственнаго совершенства; благодаря упорной работѣ надъ самимъ собою, онъ сталъ чувствовать себя и лучше, и счастливѣе. Съ нимъ произошло, по собственнымъ его словамъ, то, что бываетъ съ учениками, занимающимися каллиграфіею по прописямъ, на которыхъ буквы обозначены пунктиромъ: они не достигаютъ образца, по почеркъ ихъ становится тверже и лучше. Уже въ глубокой старости Франклинъ говаривалъ, что, послѣ Бога, все счастье

своей жизни онъ приписываетъ своей записной книжкѣ. Умѣренностью объясняетъ онъ свое сохранившееся здорově; трудолюбіемъ и бережливостію—благосостояніе и всѣ знанія, благодаря которымъ онъ сдѣлался полезнымъ гражданиномъ и занялъ такое видное мѣсто въ ученomъ мѣрѣ; откровенности и справедливости приписывалъ онъ довѣріе къ нему его соотечественниковъ и почетныя должности, возложенныя на него впоследствии; всѣмъ же этимъ качествамъ, вмѣстѣ взятымъ, обязанъ онъ былъ тѣмъ спокойствіемъ и тою привѣтливостію, которыя всегда составляли особенность его характера и привлекали къ нему сердца всѣхъ знавшихъ его людей.

Но въ трудѣ самоусовершенствованія, какъ и во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ своей дѣятельности, Франклинъ менѣе всего заботился о себѣ, былъ чуждъ всякаго эгоизма. Всю свою жизнь стремясь къ тому, чтобы становиться все лучшимъ и лучшимъ человѣкомъ, т. е. къ идеалу нравственному, онъ страстно желалъ привлечь къ этому стремленію и другихъ. Съ этою цѣлью Франклинъ, во-первыхъ, учредилъ особое общество, члены котораго собирались для обсужденія нравственно-религіозныхъ вопросовъ и дѣлали небольшіе денежные взносы для пріобрѣтенія полезныхъ книгъ *); во-вторыхъ, онъ издалъ цѣлый рядъ прекрасныхъ книгъ, написанныхъ для народа, которыя раскупались и читались на-расхватъ. (Самое извѣстное изъ этихъ сочиненій — альманахъ Франклина:

*) Благодаря этимъ взносамъ и покункѣ цѣлой массы книгъ, Франклину удалось учредить *первую частную общественную библіотеку*, съ его то легкой руки и распространились частныя общественныя библіотеки по всему міру.

«Наука добраго Ричарда, или нуть къ счастію», расхотлось въ количествѣ 10,000 экземпляровъ ежегодно, что для того времени было болѣе, чѣмъ значительно. Съ простыми задушевными словами обращается Франклинъ къ своимъ читателямъ, имѣя въ виду преимущественно рабочихъ, и, разсуждая съ ними о житейскихъ вопросахъ, онъ даетъ имъ практическіе совѣты. Эти совѣты и правила, краткіе, ясные, убѣдительные, часто замѣчательно остроумные, вошли даже въ пословицы. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

«Праздность похожа на ржавчину, она ослабляетъ насъ несравненно болѣе, чѣмъ работа: ключъ, находящійся въ употребленіи, постоянно свѣтелъ».

«Не тратьте даромъ времени, потому что изъ него составляется жизнь».

«Лѣность идетъ такъ медленно, что бѣдность вскорѣ ее нагоняетъ. Лѣность находитъ все труднымъ, прилежаніе же все дѣлаетъ легкимъ».

«Погоняй свое дѣло, чтобы оно тебя не погнало».

«Кому нельзя дать совѣта, тому нельзя и помочь».

«Опытъ—хорошая, единственная школа, гдѣ глупцы могутъ чему-либо научиться, потому что добрый совѣтъ можно дать, но исполненія его дать нельзя».

«Выспаться всегда успеете и въ гробу».

Говоря съ народомъ, Франклинъ не походилъ на того проповѣдника, который считалъ необходимымъ прибавлять къ своимъ рѣчамъ: «дѣлайте, что я говорю, но не дѣлайте того, что я дѣлаю».

Его слова подкрѣплялись живымъ примѣромъ его самого, его выдержанною, скромною жизнью и его высоко-

честною, сердечною личностію. Строгъ онъ былъ къ другимъ, но всего строже былъ онъ всегда къ самому себѣ. И народъ зналъ и любилъ своего наставника, котораго слова не были пустыми звуками и имѣли громадное вліяніе на современниковъ. По тому огромному нравственному вліянію, которое имѣлъ Франклинъ, его, по всей справедливости, называютъ *первымъ воспитателемъ великой Сѣверо-Американской націи.*

V.

Франклинъ въ Европѣ.

Франклину пошелъ уже седьмой десятокъ. Достаточно поработалъ онъ на своемъ вѣку, зарабатывая съ дѣтства свой хлѣбъ, сдѣлавъ нѣсколько важныхъ научныхъ открытій и благотворно повліявъ на нравственность молодого народа. Съ молодыхъ лѣтъ онъ несъ цѣлый рядъ должностей, на которыя его выбирали безгранично ему довѣряшіе сограждане. Прежде всего его избрали мировымъ судьей; затѣмъ въ теченіе семи лѣтъ исполнялъ онъ обязанности секретаря при собраніи гласныхъ города Филадельфій; 37-ми лѣтъ сдѣлался онъ и самъ гласнымъ, а вскорѣ затѣмъ получилъ отъ правительства важное назначеніе по почтовой части. Нѣсколько разъ приходилось ему отправляться въ Лондонъ для разъясненія дѣлъ, касающихся Сѣверо-американскихъ колоній. Въ Англіи на него обратили вниманіе; ученые общества и многіе европейскіе университеты спѣшили избрать его своимъ почетнымъ

членомъ, само правительство старалось привлечь на свою сторону этого замѣчательнаго человѣка.

Съ великимъ интересомъ относился Франклинъ и къ дѣлу народнаго образованія. Американскія школы находились въ то время въ самомъ жалкомъ состояніи; обученіе въ нихъ шло плохо, обставлены онѣ были бѣдно и почти вовсе не посѣщались учениками. Франклинъ выработалъ широкій планъ разумнаго устройства народныхъ школъ, общество отнеслось къ нему съ полнымъ сочувствіемъ; составилаь подписка и вскорѣ возникла въ Филадельфій Образцовая Городская школа. Прекрасно устроенная больница и богадѣльня этого города—также были дѣломъ Франклина.

Перешагнувъ на восьмой десятокъ такой полезной, трудовой жизни, Франклинъ, казалось, имѣлъ полное право удалиться и на покой. Но въ то самое время, когда его жизнь приближалась къ концу, для отечества его занималась заря новаго, свѣтлаго будущаго. Въ колоніяхъ началось движеніе противъ самовластия Англіи ¹⁾, и Франклинъ отдался ему всею душою. Онъ занялъ выдающееся мѣсто въ ряду вождей великой Сѣверо-американской войны за освобожденіе и явился лучшимъ помощникомъ Джоржа Вашингтона.

Не легко было Сѣверо-американцамъ вести войну съ богатой, сильной Англіей. Изъ біографіи Вашингтона мы знаемъ, какія трудныя времена приходилось переживать

---

¹⁾ Смотри разсказъ того же автора «Джоржъ Вашингтонъ» (Нашему юношеству разсказы о хорошихъ людяхъ», № 2). Ц. 10 к.

ему и его арміи въ теченіе всей войны. Американцамъ необходимо было найти поддержку со стороны остальныхъ европейскихъ державъ, а для этого слѣдовало выяснить правоту своего дѣла и законность своихъ требованій. Нужно было выбрать лицо съ широкимъ умомъ и выдающимися способностями,—человѣка государственнаго, который въ состояніи былъ бы возбудить въ жителяхъ Стараго Свѣта расположеніе къ молодому народу, ведущему тяжелую борьбу за свою независимость,—человѣка такого, который убѣдилъ бы протянуть этому народу руку помощи. И едва возникъ вопросъ о выборѣ такого лица, весь Сѣверо-американскій народъ, какъ одинъ человѣкъ, назвалъ всѣми любимаго и всѣми уважаемаго старца. Ни преклонныя лѣта, ни возрастающее съ ними нездоровье, ни утомленіе послѣ долгой, трудовой жизни, не могли побудить Франклина отклонить отъ себя порученіе, отъ котораго зависѣла вся будущность его родной страны. Отечество звало его къ себѣ на служеніе, и *семидесятилѣтній старикъ безпрекословно подчинился призыву своей горючо любимой родины.* Въ то время, когда его великій сподвижникъ, Вашингтонъ, переживалъ тяжелые дни въ Валлей-Форджѣ, перенося невзгоды и лишенія изъ любви къ той же родинѣ, руководимый тѣмъ же самымъ чувствомъ, отправился и Франклинъ въ далекое, трудное странствованіе. Два раза пришлось ему съѣздить въ Европу: разъ при самомъ началѣ борьбы, когда Сѣверо-американскія колоніи и не предполагали еще, чтобы эта борьба могла кончиться для нихъ полною независимостью; другой же разъ, во время самага разгара войны. Первая поѣздка была въ Англію, съ цѣлью склонить англійское прави-

тельство къ болѣе мягкимъ и справедливымъ мѣрамъ относительно колоній. Но англичане оставили безъ вниманія благоразумные и миролюбивые совѣты Франклина. Горько раскаялись они потомъ въ этомъ упорствѣ, благодаря которому имъ пришлось лишиться самыхъ богатыхъ изъ своихъ вѣшнихъ владѣній. Цѣль второй поѣздки была преимущественно Франція. Страна эта доживала послѣднія мирныя времена передъ наступленіемъ Великой Французской Революціи: на горизонтѣ уже скоплялись грозныя тучи, но ихъ не хотѣли, или не умѣли, замѣтить французы, жизнь которыхъ текла теперь шумнѣе и веселѣе, чѣмъ когда бы то ни было прежде. Парижъ былъ городомъ роскоши, моды и удовольствій; Версальскій дворецъ, мѣстопребываніе французскихъ королей, представлялъ средоточіе двора самаго пышнаго во всемъ свѣтѣ. Трудно себѣ представить что-нибудь богаче и роскошнѣе этого зданія! Зеркальныя окна его огромныхъ покоевъ отражаются въ полахъ, покрытыхъ цѣнной мозаикой и блестящихъ не менѣе самихъ зеркалъ. Потолки и стѣны украшены произведеніями знаменитыхъ живописцевъ и скульпторовъ. Богатство, искусство, словомъ, все, что мы привыкли понимать подъ именемъ благъ земныхъ, все соединяется здѣсь, и наполняетъ эти стѣны, въ которыхъ столько лѣтъ мирно и безопасно протекла жизнь французской королевской семьи.

Въ одинъ изъ октябрьскихъ дней 1777 года въ Версали происходилъ пріемъ иностранныхъ пословъ и уполномоченныхъ. Къ великолѣпнымъ дворцовымъ подъѣздамъ одинъ за другимъ подъѣзжали раззолоченные экипажи, запряженные цугомъ. Ловко высаживали изъ нихъ рослые

гайдуки роскошно одѣтыхъ придворныхъ дамъ и мужей ихъ, разряженныхъ не менѣе ихъ самихъ. Расправивъ свои необъятныя фіжмы и высокія, напудренные прически, чинно вступали эти блистательные представители высшей французской аристократіи въ роскошную аудіенцъ-залу. Интересную картину представляла она. Сколько въ ней было блеска, сколько богатства! Ее заливало цѣлое море шелка, бархата, кружевъ и драгоценныхъ камней, отъ котораго вѣяло тончайшими ароматами и надъ которымъ стоялъ гулъ отъ свѣтской болтовни на чистѣйшемъ парижскомъ нарѣчій. Прислушиваясь къ этому говору, вы могли бы услышать одно имя, выдѣлявшееся изъ этой болтовни, съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ встрѣчали другъ друга изящные парижане:

— Видѣли вы доктора Франклина?

Вокругъ какого-то молодого щеголя, державшаго въ рукахъ только что появившійся въ продажѣ портретъ Франклина, собралась цѣлая толпа. Новостью дня, личностью, занимавшей весь этотъ блестящій мірокъ, быть не залитый золотомъ испанскій посланникъ, не важный англійскій лордъ, а скромный ученый, посланный изъ-за океана небольшой націей, почти гибнувшей въ неравной борьбѣ.

Опираясь на высокій посохъ изъ яблочноваго дерева, медленно вошелъ въ аудіенцъ-залу и самъ Франклинъ. Какую рѣзкую противоположность представляла эта простая фигура со всей окружавшей ее безумной роскошью! Платье Франклина, изъ простого сукна, было какимъ-то темнымъ пятномъ въ пестрой толпѣ, обступившей великаго человѣка; длинные волосы, незавитые и ненапудрен-

ные, убитые семидесятью годами, падали ему на плечи и окружали, точно сиянием, его почтенную голову. Спокойно и приветливо смотрѣлъ онъ по сторонамъ, отвѣчая на многочисленные и любезные поклоны и рукопожатія...

Съ перваго же дня прибытія своего во Францію, Франклинъ сталъ предметомъ всеобщаго удивленія. Не только во дворцахъ, — даже на улицахъ, за нимъ слѣдили массы любопытныхъ. Замѣчательная личность сѣверо-американца произвела глубокое впечатлѣніе на пылкихъ и воспримчивыхъ французовъ. Отъ него, казалось, вѣяло мощнымъ духомъ тѣхъ лѣсовъ, гдѣ, не взирая ни на какія невзгоды, геройски отстаивала свою свободу горсть отважныхъ борцовъ за честь своей родины. Своимъ необыкновеннымъ умомъ, и великимъ умѣньемъ всюду держать себя, Франклинъ выставилъ въ глазахъ французовъ въ лучшемъ свѣтѣ свою націю и внушилъ къ ней всеобщую симпатію.

— Народъ, произведшій Франклина, не можетъ быть разбойничьей шайкой! Американцы борются не только за свои собственныя права, — они отстаиваютъ права на свободу всего человѣчества, — разсуждали французы; и воодушевленіе ихъ росло, а желаніе помочь своимъ заатлантическимъ братьямъ становилось все сильнѣе и сильнѣе. Стали составляться особые отряды добровольцевъ (волонтеровъ), отправлявшихся въ Америку, чтобы стать въ ряды борцовъ за независимость. Маркизъ де-Лафайэтъ одинъ изъ первыхъ покинулъ семью и, снарядивъ на свой собственный счетъ особый фрегатъ, присоединился къ арміи Вашингтона.

Цѣль поѣздки Франклина была, однако-жь, еще далеко

не достигнута. Симпатіи французскаго народа всецѣло были на сторонѣ Сѣверо-американцевъ, но французское правительство медлило, не рѣшаясь открыто признать самостоятельность Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и оказать имъ необходимую помощь. На аудіенціи въ Версали, о которой мы говорили выше, Франклину объявили прямо, что надо подождать. И онъ принялся ждать, вооружаясь терпѣніемъ, которымъ обладалъ вполнѣ въ числѣ прочихъ своихъ качествъ. Такъ болѣе года прожилъ онъ въ Пасси, мѣстечкѣ, находящемся въ окрестностяхъ Парижа, занимаясь наукою и проводя часы отдыха въ обществѣ лучшихъ людей того времени.

Сколько тяжелыхъ минутъ выпало тамъ на долю дряхлѣющему старику, оторванному отъ родной семьи, этому горячему патриоту, до котораго постоянно доходили неутѣшительныя извѣстія съ родины и который сознавалъ, что каждая минута промедленія можетъ погубить то дѣло, за которое боролись его соотечественники.

Но пришелъ конецъ и его испытаніямъ.

6-го февраля 1778 г. французское правительство признало независимость Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и, вступивъ съ ними въ союзъ, объявило войну Англии. Французскій флотъ и нѣсколько тысячъ войска были отправлены на помощь Сѣверо-американцамъ; Англичане же, которымъ приходилось теперь воевать противъ двухъ союзниковъ, принуждены были раздробить свои силы, и положеніе ихъ сдѣлалось незавиднымъ. Цѣль, съ которой Франклинъ былъ посланъ во Францію, была такимъ образомъ вполнѣ достигнута, но ему пришлось пробыть еще нѣсколько лѣтъ въ Европѣ, въ качествѣ посланника

Съверо-американской Республики. Лишь въ 1785 г., два года спустя послѣ блестящаго окончанія Съверо-американской войны за независимость, счелъ онъ возможнымъ вернуться на родину. Съ любовью и почетомъ проводили его парижане. Такъ какъ здоровье его за послѣдніе годы окончательно разстроилось, и онъ не въ состояніи былъ переносить тряской ѣзды въ экипажѣ, то королева французская, Марія-Антуанетта, предложила ему свои носилки. Франклинъ сильно страдалъ во время длиннаго морскаго путешествія, но дѣятельный умъ его все-таки не переставалъ работать; онъ продолжалъ свои научныя занятія и написалъ двѣ статьи: одну—объ усовершенствованіи мореплаванія, другую—о лучшемъ устройствѣ дымовыхъ трубъ. Ко времени пребыванія его въ Пасси относится также сдѣланное имъ изобрѣтеніе особаго рода печи, которая потребляла гораздо меньше дровъ, чѣмъ обыкновенная, и очищала воздухъ, постоянно удаляя испортившійся наружу и вводя внутрь помѣщенія чистый.

Многіе совѣтовали ему выхлопотать привилегію на это полезное изобрѣтеніе, но Франклинъ сказалъ, что ему приходится слишкомъ часто пользоваться чужими изобрѣтеніями и что поэтому онъ и самъ считаетъ себя счастливымъ быть въ свою очередь полезнымъ другимъ.

VI.

Возвращеніе Франклина на родину и послѣдніе годы его жизни.

Веселый и праздничный видъ представляла Филадельфія въ одинъ изъ сентябрьскихъ дней 1785 года. Тысячи

разноцвѣтныхъ флаговъ развѣвались надъ нею; гремѣли пушки; раздавался колокольный звонъ; улицы были переполнены народомъ; городъ праздновалъ возвращеніе своего гражданина, именемъ котораго имѣлъ полное право гордиться передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Герой торжества, еще утомленный долгимъ путешествіемъ, но привѣтливый по обыкновенію, принималъ поздравленія своихъ согражданъ, отвѣчая на горячія рукопожатія друзей и знакомыхъ, съ которыми находился въ разлукѣ восемь долгихъ лѣтъ. Къ нему подходили воины, только-что сложившіе оружіе, показывая раны, полученные во время войны за свободу родины; народъ толпился, благоговѣнно всматриваясь въ черты почтеннаго старческаго лица.

Завидна участь этого человѣка: оставивъ свое отечество угнетеннымъ, стоящимъ на краю гибели, онъ нашель его теперь свободнымъ, торжествующимъ, благодаря выдержанной тяжелой борьбѣ, и имѣлъ полное право приписать и себѣ отчасти причину этого торжества.

Немудрено, что въ такую минуту Франклинъ могъ забыть и свою старость, и о своихъ физическихъ страданіяхъ!

Возвращеніе Франклина на родину было для него радостно во всѣхъ отношеніяхъ. Основанную имъ школу и больницу онъ нашель въ самомъ цвѣтущемъ состояніи: сограждане выбрали его въ Президенты Штата Пенсильваніи, и восьмидесяти-лѣтній старикъ не счелъ себя вправѣ отказаться отъ этой чести. Цѣлыхъ три года выполнялъ онъ добросовѣстно обязанности, возложенныя на него этимъ новымъ назначеніемъ, и принималъ самое дѣятель-

ное участіе въ составленіи новаго законодательства, принятаго Вашингтономъ и имѣвшаго цѣлью соединить все штаты въ одно цѣлое. Наконецъ, болѣзнь окончательно уложила Франклина въ постель и принудила его отказаться отъ общественной дѣятельности.

Страдалъ онъ ужасно, но до послѣдней минуты жизни мощный духъ его торжествовалъ надъ плотью. Онъ интересовался всею происходящею какъ на родинѣ, такъ и всемъ бѣломъ свѣтѣ; онъ продолжалъ состоять во главѣ благотворительнаго общества, цѣль котораго состояла въ смягченіи участи преступниковъ, содержащихся въ тюрьмахъ.

За нѣсколько дней до смерти этотъ удивительный человекъ прислалъ въ Законодательное Собраніе замѣтку, въ которой горячо возражалъ противъ торговли рабами.

Франклинъ умеръ 17-го апрѣля 1790 года, на 85-мъ году. Смерть его—утѣшительный примѣръ истинно христіанской кончины. Онъ чувствовалъ ея приближеніе, но не боялся, а ожидалъ ее съ глубокою вѣрою. Онъ благодарилъ Бога за безконечное Его милосердіе, и даже за свои страданія, на которыя онъ смотрѣлъ, какъ на средство возвыситься духовно.

— Я долго жилъ,—сказалъ онъ одному изъ своихъ друзей за нѣсколько часовъ до смерти,—и много видѣлъ на этомъ свѣтѣ. Теперь во мнѣ растетъ желаніе узнать другой міръ; поэтому я радостно и съ дѣтской довѣрчивостію вручаю духъ свой Милостивому и Великому Отцу всехъ людей, Творцу моему, Который съ самаго дня моего рожденія сохранялъ и благословлялъ меня.

Въ завѣщаніи своемъ Франклинъ оставилъ значитель-

ныя суммы разнымъ полезнымъ учрежденіямъ; такъ, 1,000 фунтовъ стерлинговъ ¹⁾ завѣщаль онъ школъ въ Бостонѣ, его родномъ городѣ; 1,000 фунт. стерл. оставилъ онъ для вспомошествованія молодымъ ремесленникамъ и художникамъ въ томъ же городѣ; такую же сумму завѣщаль онъ городу Филадельфіи съ условіемъ, чтобы капиталъ этотъ оставался неприкосновеннымъ въ теченіе ста лѣтъ (т. е. до 1890 г.), а затѣмъ вмѣстѣ съ наросшими на него процентами былъ употребленъ на то, чтобы сдѣлать судоходною рѣку, на которой находится городъ, и на снабженіе города хорошею водою для питья. Свой яблочный посохъ съ золотымъ набалдашникомъ передалъ онъ еще при жизни Вашингтону со словами: «Если бы это былъ скипетръ, то вы заслуживали бы его вполне».

При первой вѣсти о смерти великаго человѣка вся Америка облеклась въ трауръ. Примѣру ея послѣдовала и дальняя Франція. Газеты съ извѣстіемъ о смерти Франклина появились въ траурныхъ ободкахъ. Не было конца статьямъ, въ которыхъ разсматривалось его высокое значеніе, какъ ученаго, патріота и какъ человѣка высокой нравственности.

Въ 1856 году, слѣдовательно, черезъ 150 лѣтъ со дня рожденія Франклина, въ Бостонѣ воздвигли ему памятникъ. На пьедесталѣ изъ зеленого мрамора возвышается фигура знаменитаго сѣверо-американца въ томъ самомъ костюмѣ, который онъ носилъ во время своего пребыванія въ Парижѣ, съ треугольной шляпой подъ мышкою и съ посохомъ въ рукахъ. Самъ пьедесталъ украшенъ четырьмя

¹⁾ Фунтъ стерлинговъ 9 рублей.

металлическими досками, на которыхъ изображены главные моменты жизни Франклина: на одной изъ нихъ мы видимъ его работающимъ въ типографіи, на другой—устанавливающимъ громоотводъ, на третьей—онъ подписываетъ актъ независимости своего отечества, на четвертой—держитъ въ рукахъ актъ о мирѣ съ Англіей. Онъ же самъ составилъ себѣ слѣдующую надгробную надпись, которая и высѣчена на его могилѣ:

Прагъ
Венямина Франклина,
типографа,
(подобно оберткѣ старой книги,
съ разорванными листами
съ стершимися заглавіемъ и позолотою)
покоится здѣсь на сѣдненіе червямъ,—
но само сочиненіе не исчезло,
и, какъ онъ думаетъ,
появится снова,
въ новомъ и лучшемъ изданіи,
просмотрѣнномъ и исправленномъ
Авторомъ.

у М. М. ЛЕДЕРЛЕ

(Милліонная, 29).

СКЛАДЪ СЛѢДУЮЩИХЪ ИЗДАНІЙ:

НАШЕМУ ЮНОШЕСТВУ РАЗСКАЗЫ О ХОРОШИХЪ ЛЮДЯХЪ:

1) Не отъ міра сего. А. П. Мунтъ-Валуевой (изъ жизни Елисаветы Кульманъ). Ц. 10 к. *Допущена для ученич. библ. младш. возр. Средне-Учеб. Заведеній Министерства Народн. Просвѣщ.*

2) Джоржъ Вашингтонъ (съ портр.). А. П. Мунтъ - Валуевой. *Изданіе 2-е. Напечатано безъ перемѣлъ съ 1-го изданія, внесеннаго въ каталогъ книгъ, для употребленія въ Низшихъ Училищахъ Вѣдомства Министерства Народн. Просвѣщ. 1887 г. Ц. 10 к.*

3) Поэтъ-герой (изъ жизни Теодора Кернера), съ портр. Разказъ А. П. Мунтъ-Валуевой. Ц. 10 к.

4) Друзья слѣпыхъ и глухонѣмыхъ (Аббать Л'Эпе, Самуиль Гейнике и Валентинъ Гей). Разказъ А. П. Мунтъ-Валуевой. Ц. 10 к. *Одобрена для ученич. библіот. младш. возр. Средне-Учебныхъ Завед. Министерства Народ. Просвѣщ. и включена въ каталогъ книгъ для употребленія въ Низш. Училищахъ того-же Министерства.*

5) Веньяминъ Франклинъ (съ портр.). Разказъ А. П. Мунтъ-Валуевой. 1895 г. Изд. 3-е. Ц. 10 к. *напечатано безъ перемѣны со 2-го изд. одобрена для ученич. библіот. младш. возр. Средне-Учебн. Завед. Минист. Народн. Просвѣщ. и включена въ катал. книгъ для употребл. въ Низш. Училищ. того-же Минист.*

Всѣ пять ЛМЛ включены въ каталогъ М. Н. Пр. 1895 г. для употребленія въ Ученич. библ. городск. Училищъ и въ Учит. библіот. Начальн. Училищъ.

6) Дѣтство Александра Пушкина. Разказъ А. П. Мунтъ-Валуевой (съ портр.). Ц. 10 к.

Всѣ 6 книгъ вмѣстѣ въ красивомъ переплетѣ 1 р.

7) Христофоръ Колумбъ. Разсказъ А. П. Мунтъ-Валуевой, съ портр. картой путешествій Колумба и 4 рис. Ц. 30 коп.

Всѣ первые семь №№ «Нашему юношеству разказы о хорошихъ людяхъ» циркуляр. Главн. Управл. Военно-Учебн. Завед. отъ 19 янв. 1894 г. за № 3, рекомендованы для приобретения въ библиотеки Кадетск. корпусовъ, для среднихъ ротъ.

Всѣ первые семь №№ Ученымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ одобрены для ученическихъ библиотекъ при Духовно-Учебныхъ заведеніяхъ.

8) Первые подвинники земли русской. Разсказъ Е. А. Разиной, 3-е изд. 1895 г. Ц. 10 к.

Включена въ каталогъ книгъ М. Н. Пр. 1895 г. для употр. въ Ученич. библиот. городск. Учил. и Учит. библиот. Нач. Учит.

9) Вильямъ Гладстонъ. Разск. П. Г. Мижужева, съ портр. Ц. 10 к. Циркулярно Главн. Управл. Военно-Учебн. Завед. рекомендована къ приобрѣт. въ библиот. Кадетск. Корпус., для Старшихъ ротъ.

10) Гансъ Эгgede, проповѣдникъ христіанства въ Гренландіи (съ карт.). Разсказъ П. И. Теохтистова, Ц. 10 коп. Одобрена Уч. Комит. при Свят. Синодѣ для ученич. библиот. Духовно-Уч. завед.

11) Петръ Пахтусовъ. Его жизнь и двукратное путешествіе на Новую Землю. Біогр. оч. Н. А. Борисова, съ картой части Сѣвернаго океана. 1894 г. Ц. 30 к. Гл. Упр. Военно-Учебн. Завед. рекоменд. для ротныхъ библиот. среднихъ ротъ Кадетск. Корпусовъ. Одобрена Уч. Комит. при Свят. Синодѣ для ученич. библиот. Духовно-Уч. завед.

12) Ричардъ Нобденъ. Разск. П. Г. Мижужева. Съ портретомъ. 1894 г. Ц. 20 к.

13) Авраамъ Линкольнъ. Разск. А. П. Валуевой (Мунтъ). Изд. 3-е съ 3 рис. и портр. Ц. 20 к. Напечат. безъ перемѣнъ съ 1-го изд. внес. въ катал. книгъ для употребл. въ Низш. учил. вѣд. Минист. Нар. Просв. (Журн. М. Н. Пр. Февр. 1891 г.). Одобрена Уч. Комит. при Свят. Синодѣ для ученич. библиот. Духовно-Уч. завед.

№№ 11 и 13. Включены въ каталогъ книгъ М. Н. Пр. 1895 г. для употр. въ Ученич. библиот. городск. Учил. и Учит. библиотек. Нач. Училищъ.

14) Св. Елизавета Тюрингенская. Ист. оч. Л. Черскаго. Ц. 10 к. (Отз. въ Сѣв. Вѣд. 1895 г.).

Всѣмъ III 78

PMT
01

2014079132